

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 196–207. ISSN 1998-0817
Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 196–207. ISSN 1998-0817
Научная статья
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
УДК 81.11.81'33
EDN GUQAIH
<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-196-207>

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ ВОЗРАСТА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ В РАМКАХ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Ню Анна, кандидат филологических наук, доцент, Пекинский объединенный университет, Пекин, Китай, niuanna@163.com, https://jtwl.buu.edu.cn/art/2021/1/12/art_34378_630617.html

Аннотация. Основной принцип когнитивной лингвистики «реальность – познание – язык» лежит в основе объяснения функционирования метафорического концепта. Опираясь на исследования когнитивного подхода к метафоре, автор проводит отбор эпиграфических выражений со значением возраста из корпуса русского и китайского языков, анализирует образные выражения, сформированные на основе сопоставления и метафорического переноса. Исследование показывает, что русско-китайские возрастные метафоры содержат шесть групп аналогичных образов: природные явления, геологические формы, растительные виды, животные, пища и предметы повседневного обихода. Выявлено, что топологические отношения с русско-китайской возрастной лексикой отражают не только языковую идентичность, но и культурные различия русского и китайского народов.

Ключевые слова: воплощенная лингвистика, репрезентативный возрастной дискурс, концептуальная метафора, русско-китайское сопоставление.

Для цитирования: Ню А. Сопоставительный анализ метафорических концептов возраста в русском и китайском языках в рамках когнитивной лингвистики // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 196–207. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-196-207>

Благодарности. Исследование осуществлено при поддержке крупного проекта Национального фонда социальных наук Китая (заявка № 21&ZD276 «Исследование русской семиотики культуры в многомерном подходе»).

Research Article

COMPARATIVE ANALYSIS OF METAPHORICAL CONCEPTS OF AGE IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES WITHIN THE FRAMEWORK OF COGNITIVE LINGUISTICS

Niu Anna, PhD in Philology, Associate Professor, Beijing Union University, Beijing, China, niuanna@163.com, https://jtwl.buu.edu.cn/art/2021/1/12/art_34378_630617.html

Abstract. The basic principle of cognitive linguistics “reality-cognition-language” is the basis for explaining the functioning of the metaphorical concept. Based on the research of the cognitive approach to metaphor, the author selects epigraphic expressions with the meaning of age from the corpus of Russian and Chinese languages, and analyzes figurative expressions formed on the basis of comparative analysis and metaphorical transfer. The study shows that Russian-Chinese age metaphors contain six groups of similar images: natural phenomena, geological forms, plant species, animal images, food and everyday necessities. It is revealed that topological relations with the Russian-Chinese age lexicon reflect not only linguistic identity but also cultural differences between Russian and Chinese peoples.

Keywords: embodied linguistics, representative age discourse, conceptual metaphor, Russian-Chinese comparison.

For citation: Niu A. Comparative analysis of metaphorical concepts of age in Russian and Chinese languages within the framework of cognitive linguistics. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 196–207 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-196-207>

Acknowledgments: Implemented with the support of the Major Program of the National Social Science Fund of China (application no. 21&ZD276, “A Multidimensional Study of Russian Cultural Semiotics”).

Введение. Как известно, Ф. Соссюр и А.Н. Хомский, представители структурной лингвистики, последовательно определяют «априорный взгляд на язык» и «взгляд на языковой талант», в то время как Ван Инь, современный лингвист из Китая, формулирует «взгляд на языковое воплощение». Ван Инь критически подходит к концепции «языкового воплощения». Основной принцип воплощенного познания «реальность – познание – язык», с его точки зрения, репрезентирует когнитивную лингвистику, зародившуюся на Западе, как эмбодированную когнитивную лингвистику (ECL), которая в значительной степени локализована (Embodied-Cognitive Linguistics / воплощенная когнитивная лингвистика). Embodied Linguistics подчеркивает материально-исторический взгляд на природу человека в лингвистических исследованиях, а также придерживается органического единства двух метакогнитивных механизмов «воплощения (интерактивного опыта)» и «распознавания (когнитивной обработки)» [Ван Инь 2019: 57–58].

Воплощенная природа языка определяет метафоричность его концептов. Теория метафоры говорит нам о том, что метафора – это не только риторический прием, но и способ мышления, то есть «особый способ познания мира человеком» [Ван Инь 2020: 216]. В метафорах чаще всего используются конкретные, видимые вещи для обозначения абстрактных, невидимых вещей. Это говорит о том, что метафора – это, по сути, «систематическое отображение относительно конкретной исходной области на относительно абстрактную целевую область» [Вэнь Сюй, Ян Кунь: 50]. Такое воспроизведение не осуществляется вслепую, а зависит от физического опыта говорящего, а также от истории, культуры и социального опыта нации, что, в свою очередь, формирует этническую принадлежность метафоры. «Этничность метафоры в основном отражается в национальном образе жизни, образе мышления, национальных обычаях и традиционной культуре, исторических и литературных текстах» [Лю Чанхуа: 9–10]. С точки зрения лингвистики этническая принадлежность метафоры характеризуется в основном через национальный язык, поскольку «метафорическое мышление и язык всегда следуют друг за другом» [Дин Ивэй: 158]. В этом смысле уникальный образ мышления определенной нации можно увидеть через изучение метафор в аспекте лингвистики воплощенного познания.

Возрастные метафоры используются в лингвометафорическом ключе для реального отражения опыта и восприятия жизненного пути человека определенным народом. В контексте современной антропоцентрической парадигмы сопоставительное исследование метафорического феномена выражения возраста в русском и китайском языках, несомненно, имеет

большое научное и культурное значение: оно позволяет не только изучить сходство и различие между двумя языками в плане метафорических выражений, отношений воспроизведения и категорий интенции, но и получить представление о различиях между двумя нациями в плане когнитивного подхода к процессу создания метафоры. Такой метод позволит исследовать сходство и различие между двумя языками с точки зрения функционирования метафорических выражений, интенций автора и отношений воспроизведения, а также получить представление о различиях между двумя народами с точки зрения механизмов порождения и функционирования метафор с целью повышения качества межкультурного взаимодействия.

Концептуальная интерпретация возраста и возрастных выражений. В русском и китайском языках концептуальная интерпретация возраста и возрастной экспрессивный дискурс имеют много общего, что является основной причиной для сопоставительного анализа возрастных метафор в русском и китайском языках.

Начиная с XIX в. лексическое значение слова «возраст» в русском языке выражает понятие относительной зрелости, которое не имеет прямого отношения непосредственно к понятию абсолютного возраста в современной возрастной классификации России. Например, в авторитетнейшем словаре русского языка («Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля) возраст трактуется как «юношеский рост», постепенное достижение пика роста, телосложения и силы, приближающееся к полной зрелости [Даль: 203]. «Словарь современного русского литературного языка» характеризует «возраст» несколько иначе, а именно как «рост человека, растений и животных, демонстрирующих определенное состояние органического роста и силы». Иначе говоря, здесь репрезентируется «период роста и развития человека, растений и животных, в течение которого они демонстрируют определенное состояние и силу организма», а также «продолжительность времени, прошедшего с момента рождения или начала роста человека, растений и животных» [Балахонова: 587]. Аналогичное толкование представлено и в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой.

Кроме того, российские ученые, анализируя семантику обозначающего возраст лексикона, разделяют возраст на два типа: абсолютный и относительный (условный). В первом случае обозначается отрезок времени, «охватывающий период от момента биологического возникновения до момента его фиксации», во втором случае речь идет о «самовосприятии индивида в процессе развития в данном социальном контексте» [Максимова: 22]. Исходя из этого,

можно предполагать, что восприятие человеком времени, возраста и других связанных с ними категорий является относительным и во многом зависит от того, какое место человек занимает в той или иной ситуации. В то же время «относительный возраст – это понятие, которое имеет решающее значение для жизненного опыта» [Сергиенко: 90].

В древнекитайском словаре есть слово «нянь», которое означает возраст, годы [Чэнь Фухуа: 1043]. Словарь древнекитайского языка объясняет «нянь» как количество лет, возраст, а также обозначает этапы жизни в зависимости от возраста [Ся Чжэньнун: 1661]. Как видно из приведенных выше толкований, китайский иероглиф «年» может обозначать как конкретное и точное количество лет, так и относительно неопределенный возрастной диапазон. Китайский иероглиф «龄» интерпретируется как «龄, 年也» в «Шуовэнь синьсянь» (Новое дополнение к «Шуо вэнь») [Сюй Чжуншу: 2487]. Согласно базовому китайскому словообразованию, возраст относится к синтезу «существительное + существительное». Кроме того, понятие возраста используется не только для характеристики людей, но и распространяется на продолжительность жизни растений и животных. Например, в Словаре современной китайской классификации «возраст» определяется как «количество лет, прожитых человеком, животным или растением» [Дун Данянь: 208]. В дополнение к вышеупомянутым словарным определениям поиск в древнекитайском корпусе CCL Пекинского университета показывает, что в древнекитайском языке «возраст» обычно означает «количество лет, которые человек прожил». Поэтому, говоря о фактическом возрасте человека, в китайском языке часто используются конкретные, точные числа для его выражения, и «возраст также часто понимается как положение человека в его собственном развитии, то есть стадия жизненного цикла» [Бао Лейпин: 126].

С древних времен и до наших дней в русском и китайском языках сформировались различные типы метафор, выраждающих возраст. Например, в русском языке есть такие понятия, как «детство», «молодость (юность)», «старость», «юность (подросток)», «зрелость» и т. д.; в китайском же языке таких понятий меньше: «молодежь», «подросток», «молодость», «старость» и т. д. [Ню Анна, Инь Сюй: 40–41].

Подводя итог, можно сказать, что трактовка возраста в современном русском и китайском языках в основном совпадает: понятие возраста применимо не только к человеку, но и к растениям и животным; возраст может быть относительным, то есть этапом жизни человека, растений и животных; возраст может быть и абсолютным, то есть отрезком времени, который человек, растения и животные пережили с момента своего рождения или роста до момента их измерения. Кроме того, с точки зрения обозначающего

возраст лексикона в русском и китайском языках существуют такие же или похожие словесные выражения. Все это дает хорошую возможность для сопоставительного анализа возрастных метафор в данном исследовании.

Категории возрастных метафор и анализ их об разности. С точки зрения воплощенной лингвистики исходные области метафор возраста формируются на всех этапах человеческой жизни, которые тесно связаны со средой обитания, природными явлениями и жизненными привычками людей. Целевыми областями метафор возраста обычно выступают аспекты относительного возраста, то есть стадии роста людей в зависимости от их возраста, и иногда включается понятие абсолютного возраста, то есть значение времени, в течение которого человек живет.

Метафоры природных явлений

Отношения между человеком и природой – вечная тема. Человек – продукт природы, существует в природе и подчиняется ее законам. В процессе адаптации к природе, ее пониманию и преобразованию человек постоянно формирует свои собственные когнитивные способы восприятия природы, основанные на опыте. Люди часто используют природные явления для понимания относительно абстрактных понятий и применяют метафорическое мышление для передачи смыслов, то есть «строят картографический мост между различными концептуальными областями с помощью когнитивной метафоризации» [Сунь И, Цуй Цысин: 146]. В русско-китайской когнитивной схеме природных явлений присутствуют возрастные метафоры времени и создаваемые с помощью них образы.

Метафоры дня и ночи, утренние и вечерние образы. Возрастные метафоры природных явлений в русском и китайском языках выражаются в основном в делении времени, а именно в смене дня и ночи или утра и вечера, которые тесно связаны с функционированием небесных тел. В русском языке ночь часто используется как метафора смерти, а свет и солнце – как метафоры выживания.

(1) ...так что противоположности мрак – ночь – смерть и свет – солнце – бессмертие оказывались вдруг чуть ли не синонимами... (Б. Вахтин. Человеческое вещество)

Русский народ соотносит день и ночь с жизнью и смертью в потоке существования, а понятие возраста является естественным маркером на пути человека от жизни к смерти, поэтому в русском языке «утро жизни» используется как метафора для характеристики детей и подростков [Шведова: 61].

Но все это мало занимало любознательную и пытливую девушку: еще на утре жизни она додумалась, что вера не в обряде... (Мельников-Печерский П.И. На горах)

Кроме того, «вечер жизни (ночь жизни)» используется в русском языке как метафора старости, а ещё «не вечер (ещё не ночь)» – для обозначения этапа, когда «ещё не старость, ещё есть время» и т. д.

Но тут Лидия вдруг поняла нечто совсем другое: как бы там ни было, а не темкин вечер жизни заставляет ее сейчас плакать (Щербакова Г.Н. Ах, Маня).

(4) *Она ничего не приобретала, но и не теряла. Еще не вечер, и жизнь впереди* (Виктория Токарева. Своя правда).

В русском языке слово «закат» первоначально означало непосредственно закат, сумерки и могло быть метафорой к обозначению периода последних лет жизни.

Однако король знал и пребывал по этому поводу сначала в чрезвычайном беспокойстве, а на закате жизни – в глубочайшей печали (Владимир Абаринов «Хайль Виндзор!»).

Из вышесказанного следует, что дискурс понятий дня и ночи или утра и вечера в русском языке функционирует как возрастная метафора и что слова утро, вечер и закат могут использоваться как метафоры для обозначения разных возрастов жизни соответственно. Это примерно то же самое, что и образные метафоры в китайском языке.

В китайском языке «восходящее солнце» часто используется как метафора молодости, а «заходящее солнце» – как метафора старости.

(6) 您觉得热恋青年更浪漫，还是携手夕阳更浪漫？《李敖对话录》 / *Как вы думаете, что романтичнее – быть влюбленным в молодого человека или соединить руки с закатом?* (Диалоги Ли Ао)

Китайский иероглиф «暮» первоначально означает «на закате, вечером» и может использоваться «как метафора старости и немощи» [Сюй Чжуншу: 801]. Напротив, китайские сочетания со словом «сумерки» более многочисленны, например: поздние сумерки, сумерки, сумеречная сцена, вечерние сумерки – и могут быть метафорой старости.

(7) 到后来为实现他的主义，竟将自己的暮景残年，葬送于凄寂的荒野。（棘心） / *Позже, чтобы реализовать свою доктрину, он даже похоронил свои сумерки в пустынной пустыне* (Эхинацея).

Подводя итог, можно сказать, что русский и китайский языки используют различные периоды суток как метафоры для обозначения разных возрастов: утро и восход солнца – ранний этап жизни, а вечер – поздний этап жизни. Можно сделать вывод, что в возрастных метафорах русского и китайского языков существует большое сходство в восприятии природных явлений и создания образов.

Метафоры сезонных образов. Помимо вышеупомянутых метафор «день – ночь» и «утро – вечер», в русском и китайском языках существуют метафоры,

которые соотносят времена года с различными этапами жизни. Например, в русском языке выражение «весна жизни» – это метафора молодости и расцвета жизни, а выражение «осень жизни» – это метафора старости [Шведова: 62].

(8) *Тоже огнем пылала, когда я за ней бегал! Весна жизни была у нас обоих... Хорошее было время!* (С.А. Гарин. Емельян)

(9) *Стихи он начал писать осенью на даче; в то же время название сборника намекает на осень жизни, когда «зима», т. е. смерть, уже не за горами* (Михаил Сидур. Послание из Атлантиды).

Сезонные образы также используются и в китайском языке в качестве метафоры возраста. Некоторые ученые отмечают, что «китайский язык использует лексемы “весна” и “осень” как аналогии для различных периодов жизни, создавая слова с метафорическими коннотациями для обозначения возраста, такие как *Suqiu*, сумеречный возраст и сумеречный год» [Wu Yiming 2014: 98]. Например, китайский язык использует «岁暮», т. е. когда год почти закончился, как метафору старости.

(10) 这不仅是“鸟近黄昏皆绕树，人当岁暮定思乡”的情怀，更是建设故土，振兴故土，腾飞故土的凌云壮志！（人民日报）/ Это не только настроение «птицы кружат вокруг деревьев в сумерках, а люди скучают по родным городам в конце года», но и не преодолимое стремление строить, возрождать и взлетать на родине! (People's Daily).

Осень – это сезон зрелости и сбора урожая, поэтому в китайском языке, как и в русском, осень и золотая осень используются как метафоры не только для обозначения старших этапов жизни человека, но и для акцентирования изобилия и полноты этой возрастной группы.

(11) 我偏要说，老年是人生的金秋——大好的丰收季节。（人民日报）/ Я склонен сказать, что старость – это золотая осень жизни – сезон великого урожая (People's Daily).

Как видно, сезонные образы соотнесены с понятием возраста как в русском, так и в китайском языках: понятия «весна» и «осень» являются метафорами раннего и позднего этапов жизни соответственно.

Метафоры геоморфологических образов. Будь то в России или в Китае, горы и реки являются широко распространенными геоморфологическими формами, поэтому использование различных геоморфологических метафор для обозначения возраста является обычным явлением в русском и китайском языках. Например, слово «склон» в русском языке обозначает покатую поверхность холма и часто используется в следующих устойчивых словосочетаниях: «на склоне лет / дней / жизни», что означает «в старости, ближе к старости» [Галаванова: 964].

(12) *Меж тем женщина, которую он полюбил на склоне жизни, потребовала решающего ответа* (Данин Д.С. Нильс Бор).

То же самое относится и к китайскому языку. Например, китайская идиома «日薄西山», заимствованная из китайского исторического рассказа, «обозначает тот факт, что солнце скоро зайдет, и является метафорой старения человека и приближения смерти» [ЧжАО Цзюань: 672] «Сишань» первоначально означало место, где заходит солнце, а здесь это метафора старости с точки зрения географического положения, где заходит солнце.

(13) 而我也年逾七十，日薄西山了。《物种起源》/ И мне уже больше семидесяти лет, и солнце садится.

В дополнение к вышесказанному – в русском языке есть выражение «песок сыплется» как предсмертные годы жизни.

(14) *Я пошла к очень старенькому доценту Коновалову, а из него песок сыплется, и он ни фига не помнит...* (Сарибан А.А. Дневник)

Как мы видим, несмотря на то, что явление проецирования образов, таких как рельеф, на концепт возраста существует как в русском, так и в китайском языках, в то же время существуют некоторые различия в способе проецирования образов и соответствия между русским и китайским языками, что связано с особенностями рельефа, а также с историей и культурой двух стран.

Метафоры растительности

Человек и растения неразрывно связаны друг с другом. Растения впитывают полезные вещества из земли, а благодаря процессу фотосинтеза образуют и обеспечивают человека кислородом, пищей, лекарствами, древесиной и т. д. В процессе сельскохозяйственного производства и взаимодействия человека и растений происходит обеспечение жизни не только материальными, но и духовными благами. В соответствии с этим взаимодействием в русском и китайском языках появляется много образной лексики, обозначающей различные возрастные этапы.

Метафоры травянистых растений. Травянистые растения обладают относительно слаборазвитой древесной частью стебля и обычно имеют сезон вегетации, сезон увядания, или сезон гибели. Травянистая растительность распространена как в России, так и в Китае. Сопоставление метафор на основе названий трав с возрастными категориями имеет много примеров как в русском, так и в китайском языках. Например, одуванчик – распространенное в России растение, и, исходя из собственных наблюдений и опыта, русские наделяют одуванчик такими характеристиками, как мягкость и слабость, поэтому разговорное шутливое выражение «божий одуванчик» является метафорой «тихого, хрупкого, приятного на вид пожилого человека» [Шведова: 541].

(15) *Какие-то старушки московские, божьи одуванчики, котлетки приносили, теплую картошку, завернутую в полотенце* (Алексиевич С. Время second-hand).

Русское выражение «сладкая ягода» часто используется как метафора молодой, прекрасной девушки в русских обрядах или песенно-танцевальном творчестве.

(16) *Oх, ты моя ижинька, куда я тебя снаряжаю* (свадебная песня) [СРНГ 12: 80].

Русское слово «репа» часто используется как метафора для обозначения девушки или женщины с широким и скуластым лицом из-за того, что корнеплод обладает плоской овальной формой, схожей с формой лица.

(17) *Да идет там ена прыгожая! Репа репой!* [СРНГ 35: 65].

В китайском языке типичными словами, связывающими образы травянистых растений с понятием возраста, являются «саженец» и «саженцы», которые используются как метафоры для обозначения детей. Поскольку «саженец» в китайском языке обозначает молодое растение, которое необходимо тщательно удобрять, поливать и ухаживать за ним, чтобы оно росло, прежде чем расцветет и принесет плоды, его часто используют в контексте воспитания детей.

(18) 尤其是中小学教师和幼儿教育工作者，负有培养革命接班人的幼苗的重任。（邓小平文选）/ Учителя начальной и средней школы и воспитатели детей младшего возраста в частности выполняют важную задачу по воспитанию ростков наследников революции (Избранные труды Дэн Сяопина).

(19) 正是淘气的年岁，让他们规规矩矩咿咿呀呀地吹那些练习曲，一会儿就如同上刑一般。祝盾为把这些小苗培育成材，不知付出了多少心血。（人民日报）/ Это капризный возраст, пусть они регулярно лепечут, играют эти тренировочные песенки, момент похож на пытку. Я не знаю, сколько сил Чжу Дунь потратил на воспитание этих саженцев (People's Daily).

Поскольку полынь издавна широко использовалась в Китае для лечения болезней, ей часто придавали большое положительное значение. Например, пожилые люди часто почитают моксус (высушенную полынь), поэтому данный термин используется людьми старшего возраста.

(20) 我年已及艾，还有什么不满意的事？（读者）/ Я в возрасте полыни, какие веци меня не устраивают？（Читатель）

(21) 50岁——年逾半百、知非之年、知命之年、艾服之年、大衍之年。（读者）/ 50 лет – половина ста лет, год знания того, что неправильно, год знания того, что правильно, год принятия полыни, год великого распространения（Читатель）.

Кроме того, образ полыни не только часто используется в качестве метафоры пожилых людей, но и мо-

жет быть перенесен на молодых: *меньший полынь* означает молодой и красивый (Ся Чжэньнун: 1983).

(22) 我现在回忆起来,发现丈夫是年方少艾的妻子不知不觉地教导成人的。(读者) / *Теперь, оглядываясь назад, я осознаю, что моя супруга, будучи в расцвете молодости (как молодая полынь), невольно помогла мне возмужать.* (Читатель).

Как мы видим из примеров, между русскими и китайскими возрастными метафорами существует большая разница в плане восприятия и создания образов травянистых растений. Во-первых, разница обусловлена тем, что русский и китайский народы по-разному воспринимают географические особенности, внешний вид и эффективность растений; во-вторых, немаловажным фактором в возникновении указанных различий является и разное отношение к тем или иным травам.

Метафоры древесных растений. Многолетние древесные растения относительно высокие и растут гораздо дольше, чем травянистые. Типичные русские слова, использующие метафоры древесных растений для обозначения возраста, – береза, сосна, дуб и т. п. Например, во многих русских литературных произведениях широко встречается образ березы, у которой прямой красивый ствол, поэтому данный образ часто используется в русском языке как метафора молодой и красивой девушки.

(23) *Улыбнулись сонные березки, Растрепали шелковые косы* (Есенин С.А. С добрым утром! («Задремали звезды золотые...»)).

Русское слово «сосна» часто сопоставляется с женщинами пожилого возраста, например: *А на самой последней тупине, где ночные волны лизнут не престанно зуб-камень, встала посередь кукушкиных ковров единая сосна, рослая старуха, глухо шумящая на ветру* (Леонов Л.М. Гибель Егорушки).

В китайском языке древесные растения, метафорически обозначающие поздние, предсмертные годы, – это тутовые и вязовые деревья. Сложное словосочетание Sangyu воспроизводит вид солнца, освещавшего конец тутового дерева на закате, отсюда и метафора заката.

(24) 新中国成立后, 张澜虽已年届80高龄, 但他桑榆未晚, 壮心不已, 仍以极大的热情参加人民民主政权工作。(报刊精选) / После основания Нового Китая, хотя Чжан Лану было уже 80 лет, он по-прежнему с большим энтузиазмом участвовал в работе народно-демократического режима (Избранные газеты).

Аналогичное словосочетание в китайском языке – «松柏», собирательное название сосны и кипариса – вечноzelеных деревьев, широко распространенных в среднем и нижнем течении китайских рек Янцзы и Хуанхэ, к которым китайский народ питает нежные чувства с древних времен. Поскольку сосна

и кипарис долго растут и являются вечноzelеными, их часто используют в качестве метафоры здорового и долгоживущего старика.

(25) 『关心, 从聆听开始』热线接听服务、『与你同行』残疾人服务、『松柏之爱』老人服务等。(人民日报) / Горячая линия «Прояви заботу – выслушай», услуги для инвалидов «Рядом с тобой», услуги для пожилых «Любовь к старшим, как к соснам и кипарисам» и т. д. (People's Daily)

В вышеупомянутых русско-китайских возрастных метафорах образность древесных растений в основном сосредоточена на высоких деревьях, чьи особенности роста и внешнего вида являются основой для создания метафорического отображения. Наблюдения, опыт и познания русских и китайцев в отношении древесных растений более ярко представлены в возрастных метафорах.

Метафоры цветов и плодов. Особенности роста и морфологические характеристики растений всегда были в центре внимания человека, в частности цветы и плоды, которые вызывают у человека сильную сенсорную стимуляцию. Цветы обычно ярко окрашены, изящны и ароматны, поэтому человек наблюдает за их ростом достаточно часто. Например, цветы (цветок) часто используются в русском языке как метафора образов детей, подчеркивая невинность и красоту их природы.

(26) *На этих растительных метафорах и выросли свернувшие в сторону дети цветов* (Генис А. Ритуалы Вудстока стали традицией).

В китайском языке цветы также часто обозначают детей, а фраза «цветы родины» часто используется для выражения заботы и привязанности к детям.

(27) 儿童是祖国的花朵, 是时代的希望, 美好的明天要靠他们去开拓和创造。(中国儿童百科全书) / *Дети – цветы родины и надежда эпохи, и именно от них зависит развитие и создание лучшего завтра* (Китайская детская энциклопедия).

Метафорическое сопоставление цветов и детей одинаково в русском и китайском языках. Однако в русском языке также используется выражение не-распустившийся бутон (цветочный бутон) как метафора для обозначения людей, которые еще молоды, не достигли зрелости и т.д.

(28) *Мы еще не созрели для славы. Мы еще были бутоны. Аполлон еще не требовал нас к священной жертве* (Катаев В.П. Алмазный мой венец).

В отличие от этого примера, китайское слово «бутон» чаще всего используется как метафора для обозначения детей.

(29) 或许我们因此而扼杀了未来的爱迪生.....”于是, 培养科技小蓓蕾活动成为南京市小学生课余生活的主要内容。(人民日报) / *Возможно, таким образом мы убили Эдисона будущего... Таким образом, деятельность по выращиванию маленьких бутонов науки*

и техники стала основной частью внешкольной жизни учеников начальной школы в Нанкине (People's Daily).

Русское слово «поросль» означает побеги растения, а «молодая поросль» часто используется как метафора молодых людей, молодого поколения.

(30) *Молодая поросль государства рабочих и крестьян демонстративно откращивалась от всего, что соединяло прошлое с настоящим* (Бородин С.А. Набатный звон заветов предков).

В китайском языке растение кардамон – это вечнозеленая трава с трубчатыми белыми, слегка красноватыми цветками, дарящими людям ощущение свежести и чистоты. Поэтому в идиоме «кардамоновые годы» цветы кардамона используются как метафора прекрасных лет 13–14-летней девочки. Идиома происходит из стихотворения «Прощание» Ду Му, поэта династии Тан: «грациозно вьется до тридцати лет кардамон в начале февраля». Кардамон в стихотворении – это метафора грациозной осанки и легкого, красивого поведения молодой девушки.

(31) *个豆蔻年华如花似玉的中国女孩, 孤身一人在异国他乡认真、勤奋地生活着...* (1994年报刊精选) / Цветущая китайская девочка в подростковом возрасте, одна в чужой стране, живет искренне и прилежно... (Избранные газеты и периодические издания, 1994).

Полное название цветочного письма на китайском языке – huaxinfeng (花信风), которое используется для обозначения периода цветения [Ся Чжэньнун: 929]. Цветочное письмо первоначально относилось к посланию распустившихся цветов, метафоре наступления совершенолетия женщины.

(32) *当下随着娘姨上楼, 只见后厢房门口, 有个花信年华的女子, 打起门帘, 含笑等待。* (《红顶商人胡雪岩》) / Когда мы с тетей поднялись наверх, я увидела у двери в заднюю комнату женщина в цветочках, которая подняла занавеску и ждала с улыбкой на лице (Красный бизнесмен Ху Сюэян).

Кроме того, китайское слово Biu Mei (摽梅) означает сливу, падающую вниз, когда она созревает, что является метафорой женщины, достигшей брачного возраста.

(33) *摽梅诗有赠, 羔雁礼将行。* (《送桓子之郢成礼》) / Стихотворение Biu Mэй – это подарок, и церемония «Ягненок и гусь» вот-вот начнется. (Правка Хуаньцзы к Ину станет обрядом посвящения).

Нетрудно обнаружить, что в отображении образов цветов и фруктов в русском и китайском языках есть как общие черты, так и индивидуальные: образы цветов можно соотнести с детьми, а фруктов – с девушками; однако есть и различия, например в употреблении образов бутонов.

Метафоры, связанные с животными

Метафоры лошади. Для русского народа, связанного с кочевой культурой, лошадь – одно из самых

ранних домашних животных, которое было приручено, поэтому взаимодействие русских с лошадьми происходит в разных формах, а опыт и познание лошадей сильно отличаются от опыта и познания земледельческой цивилизации. Например, образы «конь» (жеребец) и «лошадь» (кобыла) в русском языке обычно символизируют тяжелый труд и опыт, а «кляча» (неумелая лошадь) часто является метафорой перегруженной работой пожилой женщины, в то время как «старый конь» (старая лошадь) – метафорой старого и опытного человека [Кузнецов: 434].

(34) *Старый конь “Жигулей” не испортит. Бывшим менеджерам “АвтоВаза” нашли новое применение* (Пальшин К. Старый конь «Жигулей» не испортит).

Русская пословица «старее поповой кобылы» (старше лошади священника) может быть метафорой человека, который очень стар, очень пожилой [Мокиенко: 197], тогда как «мышиный жеребчик» (мышастый жеребенок) имеет уничтожительную окраску и является метафорой пожилого мужчины, который выглядит молодым и всегда ухаживает за молодыми женщинами [Кузнецов: 567].

(35) – *Вси равно он на тебе, девица, не женится, мышиный жеребчик...* (Лазарчук А., Успенский М. Посмотрите в глаза чудовищ).

Для китайцев, имеющих долгую историю сельскохозяйственной цивилизации, лошадь тесно связана с их социальной и производственной деятельностью. Китайский язык богат метафорами, связанными с лошадьми, в том числе метафорами возраста, такими как «старая лошадь знает дорогу» и «старый конь в конюшне».

(36) *寄希望于台湾的老一辈老马识途, 为实现祖国统一大业作出自己的贡献。* (人民日报) / *Хочется надеяться, что старшее поколение на Тайване будет знать свое дело и внесет свой вклад в реализацию великого дела воссоединения родины* (People's Daily).

(37) *来对壮年风貌, 而今白发斑斑, 却幸老骥伏枥, 为人民还能做此事情, 这是我的幸福。* (报刊精选) / Я вступил в расцвет своей жизни, и теперь у меня седые волосы, но мне повезло, что старый конь все еще способен делать это для людей (Избранные газеты).

Для кочевых и земледельческих племен существует определенная разница в использовании и значении лексемы «лошадь», и эта разница отражается не только в метафоре возраста, но и в оценке образов лошади на основе аксиологических признаков.

Метафоры детенышей животных. Общеупотребительными в русском языке также являются названия детенышей животных в качестве метафор при обозначении детей, например: птенец, котенок, щенок и другие.

(38) *И если б увидал славянофилов, наверно бы их понял, взял бы Хомякова и Юрия Самарина и сказал*

бы, вот птенцы моего гнезда, хотя, по-видимому, они и против меня говорили (Достоевский Ф.М. Из записных тетрадей).

Образы животных в русском языке также часто являются метафорой, обозначающей людей определенного статуса и возраста. Например, крапивник (птица-кокетка) – это метафора внебрачного ребенка.

(39) *Будь ты проклят... (Ищет оскорблений) Крапивник! (Приходит в ужас от того, что она только что произнесла). Паши... сынок... (Плачет). (Вампилов А. Прошлым летом в Чулимске).*

Феномен использования наименований молодых животных в качестве метафор для обозначения подрастающего поколения существует и в китайском языке. Например, птенец, молодая птица или молодой орел часто используются в качестве метафоры для обозначения детей.

(40) 手拉手互助活动是培养跨世纪雏鹰的好形式, 二十一世纪雏鹰如何培养关系到党和国家未来的命运。 (人民日报) / Взаимопомощь «рука об руку» – это хорошая форма воспитания орлов в течение века, и от того, как будут воспитываться орлы в XXI веке, зависит будущая судьба партии и страны (People's Daily).

Метафоры собаки. В русском языке образные метафоры собаки очень распространены. Например, образ старого пса имеет как положительную, так и отрицательную оценочную окраску: первый относится к старому и опытному человеку, второй может быть сопоставлен с отвратительным стариком.

(41) *Старый пес, да верно служит (пословица).*

(42) *Старый пес не обманет (пословица).*

(43) –*Да ты, старый пес, мою карму даже не видел! – сказала Настасья (А. Силаев. Подлое сердце родины).*

В китайском языке большинство образных метафор, связанных с собаками, являются концептуальными метафорами.

Метафоры, связанные с пищей

Важность пищи для обеспечения человека необходимыми калориями и питательными веществами очевидна. История приготовления, дегустации и потребления пищи – это также процесс постепенного накопления знаний человека о еде. Состав кушаний и гастрономические привычки разных народов формируют отличительные черты их пищевой культуры, которая может сильно различаться у двух народов – в основном по составу продуктов и стилю приготовления еды. В русско-китайских возрастных метафорах задействованы и пищевые образы.

Метафоры хлеба. С древних времен хлеб является основным продуктом питания в России, существует множество видов хлебных изделий разных размеров и форм: крендель (маленький фигурный

хлеб), плюшка (белый витой хлеб), батон (длинный хлеб) могут быть молодым парнем, молодой девушкой и пожилым мужчиной соответственно [Боровкова 1: 116].

(44) *Молодой мужчина для него был «крендель». Молодая женщина – «плюшка». Мужчина в возрасте назывался «батон» (Геласимов А. Рахиль).*

Русское слово «пышка» – это маленькое круглое сладкое хлебное изделие, которое может быть метафорой как тучного ребенка или девочки, так и пухлой привлекательной девушки.

И на жену валит... у него жена такая же пышка, и та смелее оказалась... (Ремизов В. Воля вольная)

Китай имеет долгую историю культуры питания и региональные различия в основных продуктах. В возрастной метафоре прямая связь с лапшой пока не развита, однако в традиционной китайской культуре на третий день после рождения младенца устраивается банкет с супом, на котором подается лапша – символ долголетия. Поэтому в китайском языке время вечеринки с супом, то есть «время супа-пирога», используется как метафора для обозначения детей, родившихся три дня назад.

(46) *汤饼之期: 婴儿出生三朝, 称为“汤饼之期”。语出刘禹锡《送张盥诗》。 (读者) / Период суповой лепешки: три дня жизни младенца называются «периодом суповой лепешки». Это из «Поэмы об отправке Чжан Вэя» Лю Юйси. (Читатель).*

Очевидно, что в метафорах русской культуры образы макаронных изделий более графичны, полны и отношения отображения более разнообразны, в то время как в метафорах китайской традиции подобные образы относительно однородны.

Метафоры пищевых крошек. При проглатывании пищи, особенно при поедании хлеба, неизбежно образуются крошки. Поэтому русское существительное «крошка», которое первоначально означало крошки пищи или маленький кусочек пищи, часто используется в качестве ласкательного термина для маленьких детей.

(47) *Но Государыня, отворив дверь, вызвала из следующей комнаты своих чудных детишек, и эти крошки, быв в платыцах из одинаковой материи с Государыней (Шомпулев В.А. Записки старого по-мешника).*

Среди других слов, используемых в русском языке в качестве метафор для обозначения маленьких детей, – «крохотка», «крошечка» (чуть-чуть) и т. д.

(48) *Не снись мне так часто, крохотка, мать свою не суди [Боровкова 1: 389].*

(49) *Здравствуй, крошечка Натуся! Письмо твое получил, где нарисован домик (А. Анфиногенов. А внизу была земля).*

Использование пищевых крошек в качестве метафоры для обозначения детей в русском язы-

ке характерно в основном для разговорной речи, а в китайском языке не было обнаружено соотнесения пищевых крошек с возрастом.

Метафора овощей/грибов. Овощи – один из важнейших продуктов в ежедневном рационе, обеспечивающий организм человека необходимыми витаминами, минералами и т. д. Кочерыжка (основание капусты) – широко распространенный в России овощной ингредиент, богатый сахаром, белком, витамином С и минералами, является может применяться для приготовления супов и салатов. Соответственно, выражение «старая кочерыжка», не годная для еды, часто используется как метафора для обозначения стариков и старух [Боровкова: 389].

(50) *Старая кочерыжка прошла, чуть на меня не наступила!* (Кормер В.Ф. Крот истории, Или революция в республике).

Перец также является одним из самых распространенных овощей в России, а шутливое разговорное выражение «старый перец» может использоваться как метафора для обозначения мужчин, которые уже немолоды [Боровкова 1: 169].

(51) *Вынудил Жорика и самого сидеть на телефоне, и контролировать деятельность старого перца Николая Степаныча, который за чисто символическую сумму согласился сидеть на телефоне – регистрировать звонки* (Алексей Грачев. Ярый-3).

Еще одно русское выражение с похожим метафорическим значением – «старый хрен», которое обычно обозначает старика, старишку [Боровкова 1: 182].

(52) – *Потому что я – старый хрен и не слишком надеюсь когда-нибудь его увидеть* (Дина Рубина. Русская канарейка).

Грибы – одно из самых традиционных русских блюд, у русских людей есть привычка собирать и готовить из них разные блюда. Так, мухомор – это ядовитый гриб, а «старый мухомор» – метафора, обозначающая неприятного старика.

(53) *Характер у меня мухоморный, и сам я старый мухомор...* (Федор Кнорре. Родная кровь).

В китайском языке также существует более широкое отражение соотношений между людьми разных возрастов и различными сортами овощей. Например, форма редиса напоминает тело человека, и выражение «маленькая головка редиски» часто используется в китайском языке как метафора для обозначения детей.

(54) 在遥远的孩提时代, 我还是小萝卜头一个, 父亲温暖的大手牵着我的小手去状元楼吃生鱼片。 (人民日报) / В далеком детстве, когда я был маленькой морковной головкой, большая теплая рука моего отца держала мою маленькую руку, чтобы пойти в Дом ученых поесть сашими (People's Daily).

Имбирь – широко используемый в Китае овощ, и чем старше имбирь, тем острее его вкус, поэтому в китайском языке он часто используется как мета-

фора для обозначения пожилых людей, более знающих и опытных.

(55) 虽说姜是老的辣, 但暮年已至激情骤减, 年轻时的那份冲劲, 早已烟消云散。 (人民日报) / Хотя имбирь стар и прян, но с наступлением сумеречных лет страсть внезапно поубавилась, юношеский задор давно исчез (People's Daily).

Объекты, которые часто сопоставляются с образами овощей в русско-китайских возрастных метафорах, в основном ориентированы на пожилых людей, за исключением сопоставления маленькой морковной головки с детьми в китайском языке, которое в меньшей степени затрагивает другие возрастные группы.

Метафоры предметов повседневного обихода

Предметы повседневного обихода – это предметы, которые люди часто используют в своей повседневной жизни. Их можно разделить на декоративные, кухонные, бытовые и т. д. в зависимости от назначения. Хотя предметы первой необходимости разных стран и национальностей постепенно унифицируются в процессе мировой интеграции, в русском и китайском языках по-прежнему сохраняются некоторые уникальные культурные особенности, связанные с их применением. Например, слово «перечница» в русском языке первоначально обозначало маленькую бутылочку с отверстием для перца, а впоследствии выражение «старая/чёртова перечница» стало использоваться как метафора пожилой женщины.

(56) – *Мыться? – закричала Зина. – Я тебе умру, чертова перечница!* (Грекова И. Перелом).

Кроме того, русское слово «сосунок» (от глагола «сосать», ср. «соска») метафорически обозначает молодого, неопытного человека [Боровкова 2: 294].

(57) *То насакивал этот кривогубый сосунок Тухачевский, что будто из-за Сталина он Warsawу не взял* (А. Солженицын. В круге первом).

По сравнению с русским языком, в китайском языке гораздо богаче представлены образные метафоры, обозначающие повседневные предметы. Например, в Древнем Китае и мужчины, и женщины носили длинные волосы, а аксессуаром, используемым для удержания волос, была так называемая «шпилька», чтобы закалывать подобранные волосы или удерживать головной убор. Использовали заколки с наступлением возраста зрелости, таким образом «шпилька» обозначает наступление возраста совершеннолетия, когда и женщина, и мужчина могут накрутить и удерживать свои волосы с помощью заколки (Ся Чжэньнун: 1004). Среди них и 及笄、笄岁、笄年、笄辰、方笄、初笄、初笄之年、加笄、弱笄、笄纁、未笄、未笄之日、金钗之年 – все они обозначают наступление совершеннолетия или начало взрослой жизни [Che Shuya, Duan Jiayin: 144].

(58) 仪式结束后, 人们前来恭喜我和我的妻子, 特别是另几位及笄女子的父亲向我道喜。 (读者)

/ После церемонии люди пришли поздравить меня и мою жену, особенно поздравляли отцы нескольких других женщин, достигших совершеннолетия (Читатель).

В китайском языке «корона» означает ношение шляпы, а в древности она также использовалась как термин для обозначения мужчины, которому исполнилось двадцать лет и который «коронован» [Ся Чжэньнун: 769], выражение «слабая корона» и «корона» могут также относиться к мужчине, который скоро достигнет совершеннолетия или ранней взрослости [Че Шуя, Дуань Цзянь: 144].

(59) 到了弱冠之年, 李起英首次参加乡试大考, 便中了一个贡生。 (李嘉诚家族传) / Достигнув возраста слабой короны, Ли Кинн сдал свой первый серьезный экзамен в сельской местности и получил гуншэн (Биография семьи Ли Ка-шина).

(60) 我虽未能十有五而志于学, 但年未及冠已有向学之心, 总像求取圣水那样虔诚地期待着显现活水的源头。 (人民日报) / Хотя я не смог научиться, я еще не увенчан желанием учиться, и я всегда с нетерпением жду источника живой воды, так же благочестиво, как я ищу святую воду (People's Daily).

Трость обычно используется пожилыми людьми, чтобы помочь себе при ходьбе, поэтому часто служит метафорой.

(61) 70岁——古稀、杖国之年、致事之年、致政之年; 80岁——杖朝之年。 (读者) / 70 лет – древний, год посока государства, год назначения, год правления; 80 лет – год посока династии (Читатель).

В Древнем Китае младенцев обычно пеленали после рождения, под пеленанием подразумевался тканевый карман, в котором носили ребенка, а под тканью – одеяло, в которое заворачивали ребенка. Поэтому пеленание и пеленальная одежда часто используются в китайском языке как метафора для обозначения младенца или маленького ребенка.

(62) 远房表哥家的孩子尚在襁褓, 八个月婴儿的呢喃唤起女孩爱与被爱的渴望。 (人民日报) / Ребенок дальнего кузена еще в младенчестве, и журчание восьмимесячного малыша вызывает у девушки желание любить и быть любимой (People's Daily).

Как видно из примеров, в русских возрастных метафорах сравнительно мало образов предметов быта, устанавливающих связь с разными возрастными этапами, в то время как в китайских метафорах их множество.

Таким образом, в статье представлен анализ, типология и особенности возрастных метафор в русском и китайском языках с точки зрения воплощенной лингвистики, на материале группы лексики возрастной тематики, извлеченной из Русского национального корпуса и Корпуса ССЛ.

Исследование показало, что в русском и китайском языках существует шесть основных групп воз-

растных метафор с одинаковой или сходной метафорической основой: природные явления, формы рельефа, растения, животные, пища и предметы повседневного обихода. Данные типы возрастных метафор в русском и китайском языках имеют как сходства, так и различия: с одной стороны, подтверждается гипотеза об общности механизма, основанного на принципе «воплощенного познания» у двух народов, с другой стороны, проанализированные примеры свидетельствуют о национально-специфических особенностях метафорического отображения и гетерогенности кросс-культурного опыта и познания.

В основе механизма возрастной метафоры в русском и китайском языках лежат отношения взаимодействия между языком и реальностью, то есть использование одного известного понятия или предмета для обозначения другого, с определенной степенью корреляции или сходства между ними. Эти отношения отображения зависят от воплощенных и культурных ограничений разных народов и аутентично отражаются в соответствующих языках. С точки зрения задач, поставленных в данной работе, общность использования метафоры возраста в русском и китайском языках основана на том, что оба народа, русский и китайский, имеют в ряде случаев сходный опыт. В качестве исходной области метафоризация предполагает использование образов, которые можно встретить повсюду – в природе и жизни. На этой основе выстраивается связь между ними и относительно устойчивыми возрастными объектами, такими как поведенческие или характерологические черты (например, образные метафоры, связанные с образами собак, лошадей; ландшафта, цветов, растений; дня, ночи, времен года и т. д.), особенности предметного воплощения и их функций (образы предметов ежедневного обихода, продуктов питания, блюд и т. д.). Суммируя, можно сделать вывод, что общность возрастных метафор в русском и китайском языках основана на сходном для обоих народов опыте. Разница в основном обусловлена расхождениями в отображении отношений между исходным и целевым доменами, которые макроскопически определяются различиями в когнитивных моделях, способах мышления и условиях жизни двух народов – русского и китайского.

Заключение. В заключение следует отметить, что сопоставительный анализ русско-китайских возрастных метафор на основе воплощенной лингвистики более полно показывает общие и индивидуальные характеристики образных групп возрастной метафоры и их многочисленные отношения в двух языках в теоретико-практическом плане. Следующим шагом в углубленном изучении данной проблематики может стать расширение сферы исследования путем

привлечения для анализа образности тела и его частей, что поможет более полно обозначить связи возрастных метафор и их экстралингвистической основы в обоих языках.

Наконец, следует отметить, что воплощенная лингвистика – это философия языка, основанная на собственном опыте человека. С этой точки зрения и русский, и китайский языки имеют глубокую идеологическую традиции. Для русской лингвистики важную роль при анализе структуры и правил языка играют логические принципы; а с точки зрения китайской лингвистической традиции, важнее философия языка, основанная на собственном опыте человека. Китайская концепция «речи и смысла» коренится в «жизненной ориентации», которая является ядром китайской антропоцентрической мысли – «Дао» [ЧжАО АЙГУО: 34]. Таким образом, традиционная китайская доктрина даосизма также подчеркивает важность личного восприятия и переживания мира индивидом.

Библиографический список

Источники

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Санкт-Петербург: Изд-е книгопродавца, 1880. 203 с.

Дун Даньянъ. Словарь современной китайской классификации. Шанхай: Изд-во «Шанхайский словарь», 2007. 208 с. (На кит. яз.)

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. С. 434–567.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.04. 2025).

Словарь русских народных говоров / сост. Л.И. Балаханова и др., гл. ред. Ф.П. Филин. Москва; Ленинград: Наука, 1977. Т. 12. 80 с. (СРНГ)

Словарь русских народных говоров / сост. Н.И. Андреева-Васина и др.; гл. ред. Ф.П. Филин. Москва; Ленинград: Наука, 2001. Т. 35. 65 с. (СРНГ)

Словарь современного русского литературного языка / под ред. Г.А. Галавановой, Ф.П. Сороколетова. Москва: Изд-во Академии наук, 1962. Т. 13. 964 с.

Словарь современного русского литературного языка / сост. Балаханова Л.И. и др. Москва: Ин-т рус. яз., 1991. Т. 2. 587 с.

Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой; Ин-т рус. яз. РАН. Москва: Азбуковник, 1998. С. 61–62

Сюй Чжуньиу. Китайский словарь. Ухань: Бюро Чунвэнь; Чэнду: Изд-во Сычуаньского словаря, 2018. 2487 с. (На кит. яз.)

ЧжАО Цзюань. Словарь китайских идиом. Ухань: Бюро Чунвэнь, 2022. С. 672. (На кит. яз.,)

Чэнь Фухуа. Словарь древнекитайского языка. Пекин: Коммерческая пресса, 2014. 1043 с. (На кит. яз.)

CCL 北京大学汉语语料库 Center for Chinese Linguistics PKU (ККЯПУ – Корпус китайского языка Пекинского университета). URL: <http://www.aihanyu.org> (дата обращения: 01.04.2025).

Исследования

Бао Лейтин. Анализ теории жизненного пути с точки зрения времени // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 120–133. (На кит. яз.).

Боровкова А.В. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1–2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 116–389.

Ван Инь. Десять дискуссий о сходстве – новое решение концепции сходства в когнитивной лингвистике // Современные исследования иностранных языков. 2019. № 1. С. 57–66. (На кит. яз.)

Ван Инь. Когнитивная лингвистика // Локализованные исследования по когнитивной лингвистике. Пекин: Коммерческая пресса, 2020. 216 с. (На кит. яз.)

Вэнь Сюй, Ян Кун. Курс когнитивной лингвистики. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2022. 50 с. (На кит. яз.)

Дин Ивэй. Национальность метафорического мышления и языковой презентации // Академический обмен. 2018. № 12. С. 154–158. (На кит. яз.)

Лю Чанхуа. Национальность метафор // Журнал Сианьского института иностранных языков. 2000. № 4. С. 9–12. (На кит. яз.)

Максимова О.А. Старость или “третий возраст”? Дискурсы субъективного восприятия индивидами собственных возрастных изменений // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 12 (2). С. 22–44.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 197 с.

Ню Анна, Инь Сюй. Многомерный сравнительный анализ возрастной лексики русско-китайских языков // Преподавание русского языка в Китае. 2023. № 2. С. 33–44. (На кит. яз.)

Сергиенко Е.А. Субъективный возраст в контексте системно-субъектного подхода // Ученые записки Казанского университета, 2011. № 5. С. 89–100.

Сунь И, Цуй Цысин. Распознавание китайско-английской метафорической группы слов “нога/foot” двухмерное культурное исследование // Иностранные языки и культура. 2021. № 4. С. 145–154. (На кит. яз.)

Ся Чжэньнун. Цихай. Шанхай: Изд-во Шанхайского словаря, 2009. (На кит. яз.)

Че Шуя, Дуань Цзянь. Анализ источника, характеристики и механизма формирования китайских терминов для выражения возраста // Журнал педагогического университета Шаньси (издание социальных наук). 2012. № 5. С. 143–148. (На кит. яз.)

ЧжАО АЙГО. Некоторые философские размышления об основных принципах языка и культуры //

Журнал Института иностранных языков Народно-освободительной армии. Китай, 2011. № 1. С. 31–35. (На кит. яз.)

У Яньмин. Анализ типов и культурных значений китайских возрастных терминов // Журнал Гуансийского педагогического университета (издание философии и социальных наук). 2014. № 3. С. 94–99. (На кит. яз.)

References

Bao Leipin. *Analiz teorii zhiznennogo puti s tochki zreniya vremeni* [An Exploration of the Time View of Life Course Theory]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2005, no. 4, pp. 120–133. (In Chinese.)

Borovkova A.V. *Slovar' russkoi pishchevoi metaforы* [Dictionary of Russian food metaphor]. Tomsk, Izd vo Tom. un-ta Publ., 2015, pp. 116–389. (In Russ.)

Che Shuia, Duan' Tsziain'. *Analiz istochnika, kharakteristik i mekhanizma formirovaniia kitaiskikh terminov dlja vyrazheniya vozrasta* [Exploration of the Source, Characteristics and Formation Mechanisms of Chinese Age Expression Terms]. *Zhurnal pedagogicheskogo universiteta Shan'si (izdanie social'nyh nauk)* [Shanxi Normal University Newspaper (Social Science Edition)], 2012, vol. 5, pp. 143–148. (In Chinese.)

Chzhao Aigo. *Nekotorye filosofskie razmyshleniya ob osnovnykh printsipakh iazyka i kul'tury* [Some Philosophical Reflections on the Basic Doctrine of Language and Culture]. *Zhurnal Instituta inostrannyh yazykov Narodno-osvoboditel'noj armii* [Journal of the PLA Foreign Language College], 2011, no. 1, pp. 31–35. (In Chinese.)

Din Iwei. *Natsional'nost' metaforicheskogo myshleniya i iazykovoi reprezentatsii* [Metaphorical Thinking and Ethnicity of Linguistic Representation]. *Akademicheskij obmen* [Academic Exchange], 2018, no. 12, pp. 154–158. (In Chinese.)

Maksimova O.A. *Starost' ili «Tretii vozrast» Diskursy sub"ektivnogo vospriiatiia individami sobstvennykh vozrastnykh izmenenii* [Starosti or “Third Age” Discourses of subjective perception by individuals of their own age changes]. *Zhurnal sotsial'nykh issledovanii* [Journal of Social Research], 2020, no. 12 (2), pp. 22–44. (In Russ.)

Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoi slovar' russkikh narodnykh sravnений* [Bolshoi dictionary of Russian folk comparisons]. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2008, 197 p. (In Russ.)

Liu Chankhua. *Natsional'nost' metafor* [Ethnicity of Metaphor]. *Zhurnal Sian'skogo instituta inostrannyh ya-*

zykov [Journal of Xi'an Institute of Foreign Languages], 2000, no. 4, pp. 9–12. (In Chinese.)

Niu Anna, In' Siui. *Mnogomernyi sravnitel'nyi analiz vozrastnoi leksiki russko-kitaiskikh iazykov* [A Multi-dimensional Comparative Analysis of Russian-Chinese Epithet Age Discourse]. *Prepodavanie russkogo yazyka v Kitae* [Teaching Russian in China], 2023, no. 2, pp. 33–44. (In Chinese.)

Sergienko E.A. *Sub"ektivnyi vozrast v kontekste sistemno-sub"ektnogo podkhoda* [Subjective age in the context of the system-subject approach]. *Uchenye zapiski* [Kazanskogo universiteta], 2011, vol. 153, no. 5, pp. 89–100. (In Russ.)

Sia Chzhen'nun. *Cihai* [Sea of Words Dictionary]. Shanghai, Shanghai Rhetoric Press Publ., 2009. (In Chinese.)

Sun' I, Tsui Tsysin. *Raspoznavanie kitaisko-angliiskoi metaforicheskoi gruppy slov «noga/foot» - dvukhmernoe kul'turnoe issledovanie* [An Embodied-Cultural Dual-Dimensional Examination of Chinese-English “Foot” Metaphor Clusters]. *Inostrannye yazyki i kul'tura* [Foreign Languages and Cultures], 2021, vol. 4, no. 4, pp. 145–154. (In Chinese.)

U Ian'min. *Analiz tipov i kul'turnykh znachenii kitaiskikh vozrastnykh terminov* [Exploring the types and cultural implications of Chinese age referents]. *Zhurnal Guansijskogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie filosofii i social'nyh nauk)* [Journal of Guangxi Normal College (Philosophy and Social Science Edition)], 2014, no. 3, pp. 94–99. (In Chinese.)

Van In'. *Desiat' diskussii o skhodstve - novoe reshenie kontseptsii skhodstva v kognitivnoi lingvistike* [Ten Debates on Likeness - A New Interpretation of the Likeness View in Embodied Linguistics]. *Sovremennye issledovaniya inostrannyh yazykov* [Contemporary Foreign Language Studies], 2019, vol. 1, pp. 57–66. (In Chinese.)

Van In'. *Kognitivnaia lingvistika* [Embodied Linguistics-Localization]. *Lokalizovannye issledovaniia po kognitivnoi lingvistike* [Study of Cognitive Linguistics]. Beijing, Commercial Press Publ., 2020, 216 p. (In Chinese.)

Ven' Siui, Ian Kun. *Kurs kognitivnoi lingvistiki* [Cognitive Linguistics Tutorial]. Beijing, Peking University Press Publ., 2022, 50 p. (In Chinese.)

Статья поступила в редакцию 03.07.2025; одобрена после рецензирования 24.07.2025; принята к публикации 25.07.2025.

The article was submitted 03.07.2025; approved after reviewing 24.07.2025; accepted for publication 25.07.2025.